

УДК 329.3

Религиозный экстремизм, религиозно-политический экстремизм и религиозный фундаментализм: общее, особенное, единичное

Д. С. Рязанов

Дагестанский государственный технический университет, г. Махачкала

Аннотация. Предлагается новый подход к определению отношений между понятиями «религиозный экстремизм», «религиозно-политический экстремизм» и «религиозный фундаментализм», выявляются их общие, особенные и единичные признаки, демонстрируется гетерогенность элементов объемов данных классов.

Ключевые слова: религиозный экстремизм, религиозно-политический экстремизм, религиозный фундаментализм, виды религиозного экстремизма.

Одной из угроз современному развитию человечества является религиозный экстремизм, противодействие которому требует последовательной научной теории. Ее построение в значительной степени зависит от категориальной проработки базовых понятий, в частности таких как «религиозный экстремизм», «религиозно-политический экстремизм» и «религиозный фундаментализм», соотношение которых, их общие и различающиеся признаки в должной степени еще не стали предметом специального научного анализа.

Данная работа направлена на изменение подобного положения дел и пытаются представить новый подход к решению обозначенной научной проблемы, установить отношения понятий «религиозный экстремизм», «религиозно-политический экстремизм» и «религиозный фундаментализм», выявив их совпадающие характеристики, продемонстрировав гетерогенность элементов объемов данных классов.

Первым из известных случаев употребления термина «религиозный экстремизм» является заметка «Пивовары Огайо» в газете «Сент-Пол Дайли Глоуб» (Миннесота) от 16 мая 1883 г., в которой описывалось собрание пивоваров, протестующих против позиции некоторых представителей местного духовенства, обвинивших производителей алкоголя в аморальности и отступлении от истин христианства [26, с. 2]. В течение нескольких лет термин получил распространение, первоначально в публицистике США, для обозначения весьма широкого круга явлений: от обосновываемых религиозной риторикой выступлений за трезвость до самоубийств в состоянии религиозного исступления. И в первые годы XX в., когда в понятие «религиозный экстремизм» стали включать явления, имеющие специфически политический харак-

тер (в частности, идеологию и деятельность радикальных групп индийского национально-освободительного движения, чьи религиозные убеждения, образ жизни принципиально не отличались от позиций большинства индусов), дополнительных терминологических уточнений осуществлено не было. В результате и по настоящее время в литературе под «религиозным экстремизмом» зачастую понимаются весьма отличающиеся друг от друга явления, сущностное разнообразие которых в полной мере не рефлексировано. Например, посредством одной категории «религиозный экстремизм» описывались и политически пассивные, эскапистские христианские деноминации [2], и такие активные группы, как «Братья-мусульмане» или ольстерские «ультра» [3, с. 499].

Внутренняя разнородность элементов объема понятия «религиозный экстремизм» при недостаточной проработке вопросов классификации его видов в определенной степени явилась фактором развития дискуссии относительно содержания данной категории политического анализа. В настоящее время можно говорить о сосуществовании в отечественной науке нескольких подходов к пониманию сущности религиозного экстремизма, акцентирующих внимание на следующих характеристиках:

- применение насилия [см.: 10];
- осуществление противоправной деятельности, направленной на слом существующего политического режима [6; 16; 18];
- пропаганда нетерпимости и практика реализации подобных убеждений в политическую жизнь [4];
- сущностный антидемократизм, антиплюрализм, отрицание прав и свобод человека [13], что представляет собой доминирующую в западном общественном сознании концепцию [21, с. 106–108].

В некоторых исследованиях эти подходы противопоставляются друг другу, делаются попытки обоснования исключительной значимости лишь одного из указанных признаков. Однако большая часть авторов в той или иной степени пытаются их синтезировать, в силу чего отнесение конкретной работы к тому или иному типу носит во многом условный характер.

Пытаясь разграничить политические и неполитические элементы объема понятия «религиозный экстремизм», исследователи начали использовать термин «религиозно-политический экстремизм», впервые употребленный Н. П. Андриановым в 1981 г. [1, с. 6] и завоевавший признание научной общественности в начале XXI в. Сыгравший значимую роль в разработке концепта доктор философских наук, профессор А. А. Нуруллаев писал: «Преследование политических целей позволяет отличить религиозно-политический экстремизм от религиозного экстремизма, который главным образом проявляется в сфере религии и не ставит перед собой таких целей» [11, с. 84].

Несмотря на серьезную аргументацию, данный подход до настоящего времени не стал в науке доминирующим, и продолжают использоваться как широкое употребление термина «религиозный экстремизм» по отношению к организациям и доктринам, обладающим политическими характеристиками, так и попытки введения новых терминов, обоснованность которых вызывает серьезные сомнения (например, «экстремизм в религии» [14, с. 28]).

Теоретические разногласия не смогли обеспечить глубокую проработку содержания понятия «религиозно-политический экстремизм». При этом общим местом исследований, признающих подобное деление, является указание на то обстоятельство, что признаками данного явления являются аргументируемое ссылками на религиозные догматы отрицание инакомыслия, низкий уровень толерантности, акцентирование социально-нормативного содержания религии, а также отрицание компромиссных путей преодоления политических противоречий [12, с. 125; 17, с. 22–23; 7, с. 98; 15, с. 59; 19, с. 108–109].

Помимо вышеназванных в числе признаков религиозно-политического экстремизма может быть назван ряд признаков, выявленных профессором политических наук Университета им. Бар-Илана Ч. С. Либманом (Израиль):

1) стремление расширить сферы применения религиозного права, включив в сферу его регулирования как публичную, так и частную жизнь граждан; при этом предписывается детализация указанных норм в их строгой интерпретации. «Термин “строгий” не означает более близкий к «букве закона»... “Строгий” предполагает введение больших ограничений и неудобств, которые приветствуются экстремистами» [24, с. 76–78];

2) социальная обособленность от иных групп, которые не приемлют экстремистские нормы;

3) отрицание культурных форм и ценностей, которые не воспринимаются как коренные для религиозной традиции.

Развивая мысль о существовании политической разновидности религиозного экстремизма, российский исследователь М. И. Ефремов предлагает в рамках религиозного экстремизма выделять также его религиозно-психологический вид, относя к последнему идеи и организации, не преследующие политических целей [8, с. 26]. В качестве примера приводится секта «Горный Иерусалим», последователи которой в ноябре 2007 г. ушли в созданное ими укрытие под землей для молитв в ожидании «конца света», не выдвигая никаких требований.

Выделение неполитической разновидности религиозного экстремизма сочетается с результатами изучения ряда апокалипсических культов, ожидание «конца света» для которых сделало политическую деятельность лишённой смысла. Профессор факультета социологии Университета Калифорнии Д. Р. Халл пишет, что ни Джим Джонс (лидер «Храма народов»), ни Давид Кореш («Ветвь Давидова») не старались создать «рай на земле», а масштабные акты насилия, ознаменовавшие прекращение деятельности данных групп (имеются в виду коллективное самоубийство членов «Храма народов» в 1978 г., погибли 909 человек, включая 270 детей, и осада силами правоохранительных органов поместья «Маунт Кармел» в Техасе, в ходе которой в 1993 г. погибло 79 членов «Ветви Давидовой» и не менее 4 сотрудников органов правопорядка), явились результатом не внутренней логики их развития, а следствием внешнего вмешательства «оппонентов, которые, вольно или невольно, способствовали формированию и осуществлению возникающего апокалипсического видения секты» [23, с. 44].

Рассмотрение «религиозного экстремизма» поднимает вопрос относительно его соотношения с такой проработанной в науке категорией, как «религиозный фундаментализм», также имеющей почти вековую историю.

Под «религиозным фундаментализмом» российский религиовед А. И. Кырлежев предлагает понимать устойчивую религиозную установку или один из типов современного религиозного сознания, характеризующийся:

- негативным отношением к секуляризации, призывами к воссозданию традиции в форме доминирования религии в жизни общества, утверждению религиозной идеологии с использованием средств современной цивилизации;

- попыткой интерпретировать религию в терминах власти над человеком как в духовном, так и в политическом отношении;

- апеллированием к абсолютному авторитету религиозных текстов, предполагая возможность их однозначного понимания и отрицая герменевтический подход, что приводит к антиплюрализму, выражающемуся в требовании принять собственную интерпретацию в качестве единственно верной;

- отрицанием исторического развития, что объясняет усиленные апокалипсические ожидания фундаменталистов, которые в этой ситуации склонны рассматривать себя в качестве некой «богоизбранной» группы [9, с. 280–281].

Куратор международного проекта «Фундаментализм» Американской академии искусств и наук, президент крупнейшей ассоциации религиоведов – Американской академии религии, М. И. Марти в число признаков религиозного фундаментализма дополнительно включает следующие:

- «фундаментализм встречается на почве традиционной культуры, или культуры, в которой люди воспринимают и утверждают, что они просто и консервативно наследуют мировоззрение и образ жизни... Вновь созданные ревностные религиозные группы (иногда еще называемые “культами”...), не являются фундаменталистскими, даже если социально они носят некоторые черты фундаменталистских движений» [25, с. 18];

- реакция, противодействие, реваншистские действия. «Если их нет, наблюдатели продолжают называть такие движения или просто культуры “традиционными” или “консервативными”» [там же, с. 9];

- преклоняясь перед прошлым, фундаменталисты «избирательны в том, что из прошлого должно быть рассмотрено и утверждено в качестве основы»;

- потенциальная или актуальная агрессивность, что не позволяет рассматривать в качестве фундаменталистских эскапистские традиционалистские деноминации (например, амишей или духоборов) [там же, 22].

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что понятия «религиозно-политический экстремизм» и «религиозный фундаментализм» являются совместимыми и пересекающимися (см. рис. и табл.).

Вне области совместимости данных категорий остаются, с одной стороны, экстремистские группы, возникшие на основе новых религиозных движений (например, в США – АТВА, созданная последователями Чарльза Миллса Мэнсона, или движение белых супрематистов «Церковь создателя» [22, с. 65]), с другой – фундаменталистские течения, чей потенциальный антиплюрализм не достигает критических отметок, не проявляется в полном отрицании демократии и оправдании насилия по отношению к инакомыслящим.

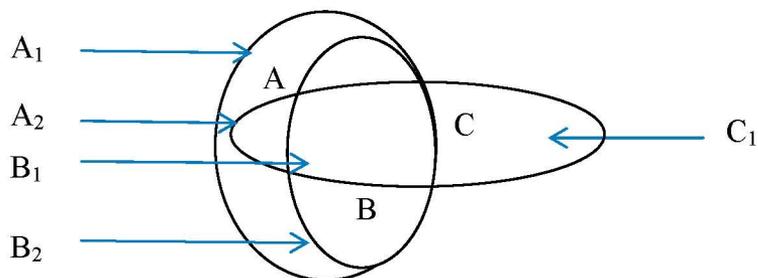

Рис. Соотношение понятий «религиозный экстремизм» (А), «религиозно-политический экстремизм» (В) и «религиозный фундаментализм» (С)

Таблица
Примеры организаций и движений, относимых к религиозному экстремизму, религиозно-политическому экстремизму и религиозному фундаментализму

Множество	Тип организации	Наименование	Регион
A ₁	Религиозно-экстремистские, не являющиеся политическими и фундаменталистскими	«Небесные врата»	США
		«Ветвь Давидова»	США
A ₂	Религиозно-экстремистские фундаменталистские, не являющиеся политическими	«Ученики Христа»	США
		«Церковь Бога»	США
		«Храм народов»	Гаити
B ₁	Религиозно-политические экстремистские, являющиеся фундаменталистскими	«Господня армия сопротивления»	Уганда
		«Абу Сайаф»	Индонезия
		«аль-Джихад»	Египет
B ₂	Религиозно-политические экстремистские, не являющиеся фундаменталистскими	Аум Синрике	Япония
		АТВА	США
		«Церковь создателя»	США
C ₁	Фундаменталистские, не являющиеся экстремистскими	«Христианские правые»	США
		Бхаратия Джаната Парти	Индия
		Гуш Эмуним	Израиль

Выделение фундаменталистских организаций, которые не могут быть отнесены к экстремизму, находит подтверждение в исследованиях доцента факультета политических наук Университета Турина Л. Оццано (Италия), который на основе анализа деятельности фундаменталистов в условиях демократического правления пришел к выводу о том, что, не имея возможности добиться на выборах абсолютного большинства, фундаменталисты вынуждены вступать в межпартийные коалиции и, следовательно, становятся более прагматичными и умеренными [27, с. 145–146].

Не отрицая мнения М. И. Марти, исключавшего новые религии из числа элементов класса «фундаментализм», но, отталкиваясь от идей последовате-

лей типологии «церковь-секта» Вебера – Трельча, основанной на представлении о существовании континуума, в рамках которого религия эволюционирует от секты к деноминации и церкви [5], считаем возможным поднять вопрос о фундаментализме групп, для которых характерен экстремизм в вопросах личного поведения последователей, оправдание насилия по отношению к инакомыслящим, в первую очередь внутри группы, отсутствие явных политических требований, самоустранение от ведения политической борьбы и одновременно широкое обращение к некому «религиозному наследию», отчасти совпадающему с догматикой крупных конфессий. Такие движения, на наш взгляд, являясь видами религиозного неполитического экстремизма (в терминологии М. И. Ефремова – религиозно-психологического экстремизма), также могут быть названы фундаменталистскими. К подобной разновидности можно отнести, на первый взгляд, отдельные группы в рамках таких организаций реставрационистского направления христианства, как «Ученики Христа» и «Церковь Бога».

Дальнейшая проработка вопросов различения видов религиозного экстремизма, их типологии призвана не только способствовать углублению теоретического анализа проблематики экстремизма, но и обеспечить обретение новых ориентиров для антиэкстремистских мер государственной политики, залогом успешности которой, не в последнюю очередь, является подбор как общих, так и специфических для каждой из разновидностей религиозного экстремизма мер противодействия при надлежащем воплощении в жизнь конституционной свободы совести и вероисповедания.

Список литературы

1. Андрианов Н. П. Советский образ жизни и атеистическое воспитание / Н. П. Андрианов. – М. : Политиздат, 1981. – 64 с.
2. Арестов В. Н. Религиозный экстремизм: содержание, причины и формы проявления, пути преодоления : дис. ... канд. филос. наук / В. Н. Арестов. – Киев, 1984. – 188 с.
3. Атеистический словарь / под общ. ред. М. П. Новикова. – М. : Политиздат, 1986. – 512 с.
4. Ахромеева Ю. В. Социокультурные основы религиозного экстремизма : дис. ... канд. филос. наук / Ю. В. Ахромеева. – Воронеж, 2009. – 178 с.
5. Васильева Е. Н. Типология «церковь-секта» Вебера – Трельча и ее развитие в западном и отечественном религиоведении : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Е. Н. Васильева. – М., 2008. – 32 с.
6. Демиров К. К. Криминологическая характеристика религиозного экстремизма: по материалам Республики Дагестан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / К. К. Демиров. – Махачкала, 2005. – 22 с.
7. Ефремов М. И. Политический терроризм как форма этнического и религиозного экстремизма // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. – 2010. – № 2 (18). – С. 23–29.
8. Зяблов Д. Н. Особенности религиозного экстремизма в современной России: историко-правовые аспекты / Д. Н. Зяблов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. – № 5(11) : в 4 ч. Ч. 2. – С. 97–100.

9. *Кырлежев А. И.* Религиозный фундаментализм / А. И. Кырлежев // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / предс. науч.-ред. совета В. С. Степин. – Т. 4. – М., 2001. – 735 с.

10. *Муминов А. И.* Религиозный экстремизм как угроза современному обществу: социально-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук / А. И. Муминов. – М., 2007. – 195 с.

11. *Нуруллаев А. А.* Религиозно-политический экстремизм / А. А. Нуруллаев, Ал. А. Нуруллаев // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Политология. – 2003. – № 4. – С. 83–92.

12. *Нуруллаев А. А.* Религия и политика : учеб. пособие / А. А. Нуруллаев, Ал. А. Нуруллаев. – М. : КМК, 2006. – 330 с.

13. *Олифиренко Е. П.* Молодежный религиозный экстремизм в современной России и пути его преодоления (на материалах Северо-Кавказского Федерального округа) : автореф. дис. ... канд. полит. наук / Е. П. Олифиренко. – Краснодар, 2012. – 28 с.

14. *Плужников Е. Н.* Религиозный экстремизм в современной России: проблемы теоретической интерпретации и политической практики : дис. ... канд. полит. наук / Е. Н. Плужников. – М., 2010. – 166 с.

15. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на северном Кавказе / А. К. Алиев, З. С. Арухов, К. М. Ханбабаев. – М. : Наука, 2007. – 583 с.

16. *Сафонов М. А.* Политико-правовые основы противодействия этноконфессиональному экстремизму на Северном Кавказе : автореф. дис. ... канд. полит. наук / М. А. Сафонов. – М., 2009. – 26 с.

17. *Тукумов Е. В.* Религиозно-политический экстремизм как угроза региональной и национальной безопасности стран Центральной Азии : дис. ... канд. полит. наук / Е. В. Тукумов. – Алматы, 2004. – 160 с.

18. *Улезко Э. В.* Противодействие экстремизму в этнорелигиозной сфере: проблемы и перспективы эволюции государственной политики : автореф. дис. ... канд. полит. наук / Э. В. Улезко. – Ростов н/Д, 2009. – 24 с.

19. *Ханбабаев К. М.* Зарубежный опыт противодействия религиозно-политическому экстремизму и терроризму / К. М. Ханбабаев. – Махачкала : Лотос, 2011. – 456 с.

20. *Ханбабаев К. М.* Сущность политического экстремизма и терроризма // Актуальные проблемы противодействия религиозно-политическому экстремизму : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. А.-Н. З. Дибирова, М. Я. Яхьяева, А. М. Мургазалиева, К. М. Ханбабаева. – Махачкала, 2008. – Т. 1. – С. 105–111.

21. Экстремизм как цивилизационный вызов : коллективная монография / науч. ред. В. Ш. Сабиров ; Новосиб. гос. архитектур.-строит. ун-т. – Новосибирск : НГАСУ (Сибстрин), 2012. – 368 с.

22. *Atkins S. E.* Encyclopedia of Modern American Extremists and Extremist Groups / S. E. Atkins. – Westport, CT : Greenwood Press, 2002. – 400 p.

23. *Hall J. R.* Apocalypse Observed: Religious Movements and Violence in North America, Europe, and Japan / J. R. Hall, P. D. Schuyler, S. Trinh. – L. : Routledge, 2000. – 240 p.

24. *Liebman Ch. S.* Extremism as a religious norm // Journal of the scientific study of religion. 1983. – N 22(1). – P. 75–86.

25. *Marty M. E.* Fundamentals of Fundamentalism // Fundamentalism in Comparative Perspective / ed. L. Kaplan. – Amherst : University of Massachusetts Press, 1992. – P. 15–23.

26. Ohio brewers // The St. Paul Daily globe. (Minn.) – 1883. – May 16.

27. *Ozzano L.* Religious fundamentalism and democracy // Политикологија религије. Белград, 2009. – № 1, год 3. – С. 127–153.

Religious Extremism, Religious Political Extremism and Religious Fundamentalism: General, Particular, Individual

D. S. Ryazanov

Dagestan State Technical University, Makhachkala (the Republic of Dagestan)

Abstract. The study offers an approach to the definition of the concepts of «religious extremism», «religious and political extremism», «religious fundamentalism», and the relationship between them. The author attempts to identify their general, special and individual features, focusing on the heterogeneity of the elements of these classes.

Keywords: religious extremism, religious political extremism, religious fundamentalism, types of religious extremism.

Рязанов Даниил Сергеевич

кандидат философских наук,

доцент, кафедра связей

с общественностью

Дагестанский государственный

технический университет

367005, Республика Дагестан, г. Махач-

кала, пл. Ленина, Дом Правительства

тел.: 8(928)5407689

e-mail: dsryazanov@mail.ru

Ryazanov Daniil Sergeevich

Candidate of Sciences (Philosophy),

Associate Professor, Department

of Public Relations

Dagestan State

Technical University

Government House, Lenin Sqr., Makhach-

kala, the Republic of Dagestan, 367005

tel.: 8(928)5407689

e-mail: dsryazanov@mail.ru